

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-3-44-51

Б.Г. БОБЫЛЕВ

Зоологическая метафора в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина»

Статья посвящена анализу экспрессивного использования зоологических метафор в тексте романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина». Выделяются инвективная, характерологическая, модально-оценочная, игровая и образно-символическая функции зоометафор. Отмечается роль зоонимов в композиции повествования, выражении «образа автора» в романе.

Ключевые слова: *зоологическая метафора; инвектива; игровая стилистика; символ.*

Boris G. Bobylev

Zoological Metaphor in the Novel by M. Gor'kiy "Zhizn' Klima Samgina".

The article is dedicated to the analysis of the expressive use of the zoological metaphor in the novel by M. Gor'kiy "Zhizn' Klima Samgina". There are invective, characterological, modal and evaluative, playing, image-and-symbolic functions of zoometaphors. The role of zoonyms in the narrative composition and in expressing of the author's image is marked.

Key words: *zoological metaphor; invective; game stylistics; symbol.*

Роман М. Горького «Жизнь Клима Самгина» в настоящее время привлекает внимание все большего количества исследователей — филологов, философов, искусствоведов, педагогов. Весьма примечательна позиция известного критика и преподавателя литературы Д. Быкова, который настоятельно рекомендует роман Горького для изучения в школе, подчеркивая, что «из всех хроник русского Серебряного века — самого интересного времени в истории всемирного авангарда — «Самгин», безусловно, наиболее полон и лучше всего

написан» [Быков 2017]. Многоплановость, неоднозначность¹, амбивалентность текста Горького осознается сегодня достаточно ясно. Учет одновременного присутствия в тексте «Жизни Клима Самгина» разных модальностей, уровней оценки, точек зрения, своеобразный «голографический подход» помогают лучше понять это произведение, разобраться в отдельных особенностях его эстетики, стилистики и смысла. Покажем это на примере анализа использования в тексте романа зоологических метафор, их тематического состава и стилистических функций.

Борис Геннадьевич Бобылев, доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, профессор кафедры речевых и педагогических технологий

E-mail: boris-bobylev@yandex.ru

ФГБОУ ВО «ОГУ имени И.С. Тургенева»

ул. Комсомольская, д. 95, г. Орел, 302026, Россия

*Orel State University named after I.S. Turgenev
95, Str. Komsomolskaya, Orel, 302026, Russian Federation*

Ссылка для цитирования: Бобылев Б.Г. Зоологическая метафора в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» // Русский язык в школе. — 2018. — № 3. — С. 44–51. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-3-44-51.

¹ В отечественном литературоведении эта особенность эпопеи была не сразу понята. В частности, утверждалось, что Самгин — это ширма, за которую спрятался сам автор, что глаза Максима Горького смотрят «сквозь самгинские очки» [Спиридонова 2011: 183]. Характерен отклик писателя на это мнение: «Сначала этот роман никто не поймет, будут ругать, да уже и ругают. Лет через пятнадцать кое-кто начнет смекать, в чем суть, через двадцать пять — академики рассердятся, а через пятьдесят — будут говорить: «Был такой писатель Максим Горький — очень много написал и всё очень плохо, а если что и осталось от него, так это роман «Жизнь Клима Самгина»» [Ходасевич 1968: 58].

В процессе рассмотрения материала мы будем придерживаться когнитивного подхода, ориентированного на опыт непосредственного восприятия действительности для передачи «ненаблюдаемых мыслительных пространств»: «Сущность метафоры состоит в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода» [Лакофф 2008: 28]. В рамках данного подхода различия между метафорами и сравнениями не проводятся.

Зоологические метафоры представляют собой одну из самых многочисленных групп экспрессивно-оценочных наименований в языке. Как отмечается рядом исследователей, при переносе наименования с животного на человека наблюдается преобладание отрицательной оценочной семантики, связанное с восприятием животного как низшего по отношению к человеку существа. В наиболее яркой и очевидной форме это проявляется в использовании зоометафор-инвектив.

В «Жизни Клим Самгина» зоометафоры относительно редко используются для публичного, контактного оскорбления, однако описание всех этих случаев речевой агрессии у Горького обладает особой выразительностью и оценочно-характерологической значимостью. Приведем некоторые примеры:

— Куда тебя черти двигают, свинья тамбовская, куда? Смирно-о! (обучение новобранцев под окнами квартиры Самгина);

Самгина тоже выбросило на улицу, точно он был веревкой привязан к дворнику. Он видел, как Николай, размахнувшись ломом, бросил его под ноги ближайшего солдата, очутился рядом с ним и, схватив ружье, заорал: — Отдай, сукин сын! (сцена расправы с солдатами во время Московского восстания);

— Я тоже скажу тебе, червь подлая... (обращение рабочего к старосте, который выдал большевика, проводившего пораженческую пропаганду)².

Клим Самгин применяет зоологические метафоры для оскорбления в контактной форме два раза. Первый — в издевательском каламбуре, обращенном к выпоротому розгами мальчику:

Поймав какого-то запоздалого жука и подавая его двумя пальцами Борису, Клим сказал: «На, секомое».

Второй раз — по отношению к церковнику Семиону Диомидову, искалеченному во время Ходынки:

— Молчи, ты... *блаженная вошь!*.. Клим в первый раз в жизни испытывал охмеляющее наслаждение злости. Он любовался испуганным лицом Диомидова, его выпученными глазами и судорогой руки, которая тащила из-под головы подушку, в то время как голова притискивала подушку все сильнее. — Молчи! Слышишь? — повторил он и ушел.

Эти два поступка предстают в романе своеобразным исключением, когда Клим действует не под давлением обстоятельств, а следуя побуждениям своей натуры. Форсированная экспрессия горьковского текста в обоих случаях обращена к читателю, не оставляя сомнения в характере позиции автора.

Гораздо чаще герои романа используют зооморфные оскорбления вне контакта с теми, кому эти инвективы адресованы, «заочно». При помощи брани они снимают внутреннее напряжение, выплескивая наружу кипящее негодование, раздражение, злость. Наиболее часто в тексте книги встречаются зооинвективы: *сукин сын* (с вариантами: *сукин кот*, *сукины дети*) — 14 раз, *скотина* — 12 раз, *свинья* — 10 раз, *бестия* — 8 раз; *животное* — 4 раза.

Клим Иванович большей частью ругается мысленно. Однако при этом он, как правило, остается достаточно спокойным, рассуждение, рефлексия берут верх. В своих мысленных обличениях персонаж Горького нередко прибегает и к излюбленному им образу насекомых:

Значит, Нехаева только играла роль человека, зараженного пессимизмом, играла для того, чтоб, осветив себя необыкновенным светом, привлечь к себе внимание мужчины. Так поступают *самки каких-то насекомых*. Клим Самгин чувствовал, что к радости его открытия примешивается злоба на кого-то.

В последней фразе присутствует намек на подспудный диалог героя с «создателем», автором³. Самгин испытывает смутное подозрение марионетки, что ею управляют, видят ее насквозь, иронизируя

² Здесь и далее текст цит. по: Горький М. Жизнь Клим Самгина // Горький М. Собрание сочинений: в 18 т. — М., 1962–1963. — Т. 12–15.

³ Подобный диалог не совместим с принципами реалистического изображения, но при этом является одной из характерных черт поэтики модернистского романа.

и играя⁴. Данная игра носит скрытый, подтекстный характер. Средством ее ведения являются реплики других персонажей, содержащие относящиеся к Климу зооморфные метафоры. Весьма показателен следующий фрагмент разговора Самгина с Лютовым:

— Слышал я, что *мухи* обладают замечательно острым зрением, а вот стекла от воздуха не могут отличить! — Что ты зимой о *мухах* вспомнил? — спросил Самгин, подозрительно взглянув на него. — Не знаю. А есть мы, оказывается, не хотим. Ну, тогда выпьем.

Клим Иванович чувствует что-то неладное, но Лютов быстро сменяет тему, уходит от ответа. Самгин хорошо видит недостатки других, считает себя по сравнению с окружающими крупным человеком, но не может рассмотреть свою сущность и, в действительности, подобен мелкому насекомому — мухе, которая бьется о стекло. Эта инвективная ассоциация приобретает текстообразующую функцию в романе, выступает в качестве основы развернутой метафоры. Так, по отношению к внешности, поведению, внутреннему миру Клина неоднократно употребляется эпитет *мелкий*. Упоминание о *мелких мыслях*, одолеваящих Клина, становится лейтмотивом книги. Несколько раз в связи с этим лейтмотивом появляется образ мухи, а также другие зооморфные детали.

В значительной степени употребление зоологических метафор в тексте «Жизни Клина Самгина» обусловлено особенностями субъектной сферы главного героя, играющей ведущую роль в организации повествования. Изображаемое подается в романе сквозь призму его восприятия. Выделение зооморфных черт в облике и поведении людей помогает Самгину упростить и принизить всех и, соответственно, добиться ощущения своей значимости, интеллектуального превосходства над другими. Зоологические метафоры, используемые героем Горького для оценочной характеристики окружающих, большей частью имеют стертый и серийный характер. В знакомых дамах Клим усматривает сходство с курицами:

⁴ Самгин не удовлетворяется пассивной ролью персонажа повествования, испытывает чувство вражды к кому-то, кто *передвигает его*, как шахматную фигуру с квадрата на квадрат, задается вопросом: *Кто всю жизнь ставит меня свидетелем мучительно тяжелых сцен, событий?*

...Алина... подошла к Лидии и села рядом с ней, *ощипываясь, точно курица* пред дождем;

— *Ощипывается, точно наседка*, — думал Клим, наблюдая за нею исподлобья... (о Спивак);

Траурное платье еще более старило ее, и, должно быть, понимая это, она нервно одергивала его, *ощипывалась...* (о матери).

Мужчины напоминают герою Горького котов, псов:

...*походкой битого кота* в кабинет Варавки проходил Дронов;

Дядя Хрисанф устало, *жестом кота*, стер пот с лица...;

красавец, пошевеливая усами, *был похож на кота*, готового прыгнуть (о меценате Шемякине);

Коротенькие, толстые ножки, бесшумно, *как лапы кота*, пронесли его по мокрому булыжнику двора (о Тагильском);

добродушие *дворового пса* (о брате);

Дунаев держит его за пояс, *точно злого пса*, — отметил Клим (о большевике Пояркове).

Рабочие, мужики, солдаты представляются Климу Ивановичу существами, обладающими звериной ловкостью, скалящими зубы, издающими дикие звуки:

Грузчики выпустили веревки из рук, несколько человек, *по-звериному* мягко, свалилось на палубу, другие пошли на берег;

Сбоку Клина Ивановича что-то *рвкнуло* и *зарычало*, он взглянул в окно, отделенные от него только стеклами двойных рам, за окном *корчились, страшно* гримасничая, бородатые, *зубастые лица*;

Царь... равномерно кивал головой направо, налево и улыбался, глядя в бесчисленные кругло открытые, *зубастые рты*, в красные от натуги лица.

Сознание Самгина порождает фантастическую метафору: народ-зверь, страшное⁵ чудовище, пожирающее людей:

...какая-то чудовищная пасть поглощает, одного за другим, лучших людей земли, извергая из желудка своего врагов культуры, таких, как Болотников, Разин, Пугачев.

Клим думает о том, что *огромная, богатая Русь... населена каким-то скользким народом*. Ассоциация Самгина имеет явный анималистический оттенок, связана с представлением о скользком

⁵ Страшное в русском народе видят и другие персонажи книги. Гость Самгина Деспамес говорит: «Вам нужно, чтобы жить, какое-нибудь смутное время. Вы — самый страшный народ на земле...»

животном — рыбе, змее. Однако в данном случае мы также имеем дело с мерцанием переносных оценочных смыслов, с авторской игрой. Микротексту с размышлениями героя Горького о народе предшествует сцена разрыва с Лидией, которая говорит Климу: *Ты — скользкий... И у тебя нет слов, дорогих тебе*. Эпитет *скользкий* также присутствует в авторском комментарии по поводу слов, ставших своеобразной «визитной карточкой» главного персонажа романа:

«Может, мальчика-то и не было?» Клим любил такие поговорки, смутно чувствуя их скользкую двусмысленность и замечая, что именно они охотно принимаются за мудрость.

Приглашая близорукого «антилегенда» (так Клима называет человек из народа) послушать подвального проповедника, «лепообразный отрок» Диомидов предупреждает его: *Очки — снимите, очковых людей не любят*. Один из беженцев-плотников, распропагандированных большевиком Михаилом Локтевым, говорит о командированном к ним Самгине: *Нет, этот очковый пожизне будет Локтева*. В сознании читателя возникает ассоциация: *очковая змея*.

Текст романа насыщен зооморфными глаголами-эпитетами, передающими восприятие окружающего мира главным героем.

Люди вокруг Самгина *воют, рычат, рывкают, визжат, урчат, шипят, ревут, мычат, хрюкают, блеют, мяукают, «мурлыкают»* (и: «мурлычут»), *кудахчут, клохтают, стрекохчут, щечбечут*.

Клим Иванович Самгин думает о себе: *Затискан в какое-то идиотское логовище*.

В романе возникает образ гигантского зоосада, населенного разными видами зверей, птиц, гадов, насекомых и рыб. Зоонимы, используемые для создания этого образа, отличаются необыкновенным разнообразием. В качестве метафор в тексте романа употребляются названия животных самых различных типов и классов. Приведем их список (включая гиперонимы и некоторые деминутивы):

животное, зверь, зверушка, зверки, рыба, птица, птенец, насекомое, скотина, грызун, червь;

гидра, муравьи, тараканы, пчелы, бабочки, оса, комар, блоха, клоп, вошь, пиявка, муха, паук, шмель, жук, букашка, тарантул;

змея, уж, ящерица, черепаха, тритон, жаба, лягушки;

краб, раки, стерлядь, сом, сазан, окунь, щука, селедка;

чиж, дятел, синица, снегирь, воробей, ворон, ворона, сорока, галка, скворец, голубь, голубок, кубарь, куропатка, тетерев, лебедь, гусь, селезень, журавль, цапля, сова, сыч, совеночек, орел, ястреб, пустельга, фазан, павлин;

заяц, медведь, лиса, волк, слон, обезьяна, мартышка, барсук, сурик, суслик, хорек, крот, еж, крыса, мышь, летучие мыши, нетопырь;

лошадь, конь, мерин, жеребенок, верблюд, корова, бык, теленок, овца, баран, ягненок, козел, коза, осел, свинья, боров, поросенок, курица, петух, цыпленок, кошка, кот, котенок, собака, сука, кобель, щенок, пес, пудель, дворový пес, датский дог.

С темой зоосада в романе Горького соотносятся метафоры аквариума, птичьего двора, цирка.

Стихи Ф. Сологуба: *Мы — плененные звери, / Голосим, как умеем* — повторяются в романе не один раз, декламируются под общие рукоплескания интеллигентной публики, воспринимающей их как символ своей жизни в России.

Образы зверинца, зоосада получают широкое распространение в русской литературе конца XIX—XX вв. («Циник» А.П. Чехова, «В зверинце» А.И. Куприна, «Зверинец в провинции» Н. Бурлюка, «Проклятие зверя» Л. Андреева, «Зверинец» В. Хлебникова). В литературе серебряного века, по замечанию В.В. Мароши, «риторическими формулами текстопорождения, связанного со зверинцем и зоосадом, становится тропы «мир как зверинец», «мир как тюрьма», «Россия как тюрьма», «зверинец как ад» [Мароши 2014: 165].

Клим Самгин переживает окружающее как ад, мучительный кошмар, бредовый хаос.

Метафоры зверинца и ада совмещаются, пересекаются в романе неоднократно. Один из наиболее характерных примеров — описание бала-маскарада:

В зеркале Самгин видел, что музыку делает в углу маленький черный человечек с взлохмаченной головой игрушечного чертика; он судорожно изгибался на стуле, хватал клавиши длинными пальцами, точно лапшу месил... Среди танцующих глаза Самгина тотчас поймали Варвару... Чешуйчатые ноги ее почти не касались пола, тяжелые космы волос, переплетенных водорослями, оттягивали голову ее назад, мелкие, рыбы зубы ее блестели голодно и жадно... большой человек в полумаске... нагнулся к ней и... сказал: «С такими глазами вам,

русалка, надо бы жить не в воде, а в огне, например — в аду. — Ад — в душе у меня, и я не русалка, а — дриада». ...пианист, точно обжигая пальцы о клавиши, выдергивал аккорды...

Еще один типичный пример — сравнение выступления попа Гапона перед рабочими с кафешантаном Шарля Омона, называемом в романе *идольским капищем*:

Тогда пред ним вспыхнула ослепительно яркая пещь Омона и эксцентрик-негр, который с изумительной легкостью бегал по сцене, изображая ссору щенка с петухом. Поп все кричал, извиваясь, точно его месили, как тесто, невидимые руки. Вот из-за стола встали люди, окружили, задергали его и, поталкивая куда-то в угол, сделали невидимым.

Данная сцена — яркий пример экспрессионизма⁶ Горького, отказывающегося следовать канонам реалистического изображения. Выражение *ослепительно яркая пещь Омона* вызывает ассоциацию с адской пещью. Поп извивается, как будто испытывает дьявольские мучения. Обороты *невидимые руки, сделали невидимым* вызывают представление о вмешательстве потусторонних сил. Явная inferнальная образная параллель возникает и с предыдущим примером: *судорожно изгибался на стуле, хватал клавиши длинными пальцами, точно лапшу месил* (чертик-пианист); *кричал, извиваясь, точно его месили, как тесто...* (поп Гапон).

Вместе с тем функция зоологических метафор в романе не сводится к передаче мировосприятия и мироощущения Клим Самгина. Ряд зооморфных деталей в тексте книги выступают характерологическими и модально-оценочными сигналами образа автора. Это касается, прежде всего, «птичьих» сравнений. Так, большевичка Любаша Сомова несколько раз сопоставляется с птицами:

В столовую *птицей* влетела Любаша Сомова...;

Алина, стоя у рояля, отмахивалась от Сомовой, которая насакивала на нее *прыжками курицы*, возглашая: «Бесстыдство! Цинизм!»;

Веселая и бойкая Любаша обладала *хлопотливостью воробыхи*, которая бесстрашно прыгает по земле среди огромных, сравнительно с нею, людей, лошадей, домов, кошек;

...у стола пред самоваром сидела с книгой в руках Сомова, толстенная и серая, *точно самка снегиря*.

⁶ О модернистских чертах поэтики М. Горького см.: [Степанов 1998; Бобылев 2016; Борисова, Белова 2017].

Если аналогии с курицей и воробыхой вполне вписываются в стандартный словарный зоологический инструментарий Клим Ивановича, то параллель с самкой снегиря выглядит в этом ряду довольно неожиданно и экзотично, выдавая основательное опытное знание различных пород птиц. Снулому барчуку Климу в этом отношении далеко до бойкого птицелова Алеши Пешкова...

В тексте описания визита Самгина к своему учителю Томилину мы встречаемся с таким пассажем:

Ручной чижик, серенький с желтым, летал по комнате, точно душа дома; садился на цветы, щипал листья, качаясь на тоненькой ветке, трепеща крыльями; испуганный осоею, которая, сердито жужжа, билась о стекло, влетал в клетку и пил воду, высоко задирая смешной носишко.

Взволнованный лиризм и живописность, мотивы умиления и любви, которыми проникнут этот текст, противоречат сухой, желчной, полностью лишенной сентиментальности оценочной позиции Самгина. Клим, выйдя от Томилина, злобно думает: *Кому следовало бы сожрать чижа*. Данный эпизод перекликается со сценой в квартире Леонида Андреева, который, *воинственно встряхивая головой*, восклицает:

Я не хочу быть *чижом*, который *лгал* и продолжает лгать. Только трусы или безумные могут проповедовать *братство народов* в ту ночь, когда враги подожгли их дом.

Игровой подтекст реплики очевиден. Рассказ «О чиже, который лгал, и о дятле, любителе истины» — это одно из самых первых произведений Горького. Выражение *братство народов* взято из горьковского «Воззвания к населению» (ноябрь 1914 г.), где он называет войну кровавой бойней и мировой катастрофой, угрожающей культуре и гуманизму [Спиридонова 2013: 148]. В этой сцене Горький как бы улыбается нам из-за спины Андреева, смущенно покашливая и разводя руками.

Образ чижа в романе являет нам разные ипостаси самого автора — лирика и эксцентрика, он связан с выражением столь дорогой для писателя мысли о значении воодушевляющей мечты и веры для жизни и счастья людей:

Я солгал, да, я солгал, потому что мне неизвестно, что там, за рошей, но ведь верить и надеяться так хорошо!.. Я же только и хотел

пробудить веру и надежду, — и вот почему я солгал... Он, дятел, может быть, и прав, но на что нужна его правда, когда она камнем ложится на крылья? [Горький 1960: 74].

Мечта Клим Самгина о том, чтобы кот сожрал чижа, — часть иронической авторской игры с читателем. Обличающий чижа дятел — родня Климу, который непреклонным тоном заявляет: *Я считаю, что самое страшное в жизни — ложь!* Самгин — это подлинный «антиЛЕГЕНД», отрицающий всякую мечту и веру, всякую возвышенную лирику. Для Горького же «ложь» неотделима от игры, творчества, полета фантазии⁷.

«Птичьи» метафоры в романе служат для развития мотива полета, создания своеобразного контрапункта по отношению к «земноводной философии» и мироощущению Клим Самгина. Наиболее ярким примером подобного контрапункта является описание пасхальной ночи на Красной площади:

...над толпой птицами затрепетали, крестясь, тысячи рук, на паперть собора вышло золотое духовенство, человек с горящей разноцветно головой осенил людей огненным крестом, и тысячеустый голос густо, потрясаяще и убежденно — трижды сказал: — Воистину воскрес! ...Всюду над Москвой, в небе, всё еще густо-черном, вспыхнули и трепетали зарева, можно было думать, что сотни медных голосов наполняют воздух светом, а церкви поднялись из хаоса домов золотыми кораблями сказки.

Сравнение рук, совершающих крестное знамение, с птицами отличается удивительной экспрессией, вносит в текст атмосферу праздника, чуда. Возникает ассоциация с ангельскими крыльями, при этом граница между земным и небесным исчезает: трепетанье рук людей, совершающих крестное знамение на Красной площади, как бы переходит в трепетанье огненных зарев на небе.

Горький называет церкви *золотыми кораблями сказки*. В данном случае мы имеем дело с интертекстом и самоаллюзией. Это выражение непосредственно соотносится со стихами Беранже о золотом сне человечества, которые звучат в пьесе «На дне»⁸,

⁷ В. Ходасевич пишет о Горьком: «Обличение мелкой лжи вызывало у него ту же досадливую скуку, как и разрушение мечты возвышенной. Восстановление правды казалось ему серым и пошлым торжеством прозы над поэзией» [Ходасевич 1991: 370].

⁸ Драма «На дне» неоднократно выступает в романе объектом авторской игры. Безымянный

а также заставляет еще раз вспомнить слова чижа из притчи Горького о том, что *верить и надеяться так хорошо*.

На страницах романа неоднократно возникает шекспировская аллюзия — отсылка к образу Калибана из «Бури». Калибан сочетает в себе черты зверя и ребенка и в то же время является олицетворением стихии земли. В какой-то степени в этой интертекстовой связи проявляется отношение Горького к русскому народу, в первую очередь к мужику. Мужики на страницах романа обманывают господ, буйствуют и бесчинствуют и в то же время предстают детьми, не ведающими, что творят. Варавка, отчим Клим, с восхищением говорит о мельнике, разыгравшем представление для господ с ловлей сома: *Зверски детская душа!* Друг Варавки рыбопромышленник Трифонов любит упрямым казаком, не желающим угодить хозяину, обращается к нему *почти дружелюбно: Что ж ты, зверячья морда, не идешь?* Дмитрий, брат Клим, рассказывает о знакомом капитане камского парохода, высланном на родину за связи с эсерами:

Большой, волосатый, рыжий, горластый, как дьякон, с бородой почти до пояса, с глазами быка и такой же силой, эдакое, знаешь, скажочное существо.

В статье «Да, — мы переживаем бурю темных страстей» из цикла «Несвоевременные мысли» Горький пишет о русском народе: «зверь, раздраженный долгим пленом, истерзанный вековыми муками, широко открыл мстительную пасть и, торжествуя, ревет злопамятно, злорадно» [Горький 2018: 86]. Однако в этой же статье писатель обращается к воплощению милосердия и человечности — Христу, сопоставляя его с Прометеем, высказывая убежденность в том, что «настанет день, когда в душах людей эти символы гордости и милосердия, кротости и безумной отваги в достижении

Писатель тоном Актера издевательски, со смехом декламирует строки Беранже о «правде святой». Туробоев называет пьесу *фельетоном на тему гуманизма*. Клим, в свою очередь, видит в Туробоеве представителя типа Барона — разоренного, деклассированного дворянина. Митрофанов, тайный агент полиции, благодаря которому Клим становится участником пасхального богослужения на Красной площади, говорит о Луке: *вредный старичишка этот похож на меня поведением своим, похож!*

цели скипятся во одно великое чувство» [Там же]. В этом стремлении соединить несоединимое — весь Горький.

Гипероним «рыба», как и общие наименования «птица», «зверь», в «Жизни Клима Самгина» приобретает символическое значение, становится предметом авторской игры с читателем.

В первой книге романа мы читаем об авторе рассказов из народной жизни писателе Несторе Катине, который носил косоворотку, подпоясанную узеньким ремнем, брюки заправлял за сапоги, волосы стриг в кружок «à la мужик»:

Двигая в воздухе ладонями, как рыба плавниками, он умилялся: — И всюду непобедимая жизнь, все стремится вверх, в небо, нарушая закон тяготения к земле.

«За кадром» мы слышим насмешливый голос автора: *Рожденный ползать — летать не может.*

Ироническая игра с «рыбными метафорами» присутствует в описании сцены на квартире Леонида Андреева. Один из гостей, судя по его высказываниям, сторонник большевиков, выступает с обличениями хозяина и всей интеллигенции:

— Это, знаете, какая-то рыба философия, ей-Богу! — Разрешите мне кончить, — очень вежливо сказал литератор. — Нет, уже кончать буду я... то есть не — я, а рабочий класс... вы — чаек пьете и рыба философию разводите... Как не стыдно! На оратора смотрели, сердито хмурясь, пренебрежительно улыбаясь, а сидевший впереди Самгина бритый и какой-то насквозь серый человек бормотал, точно окуная выудив: — Ага, вот он, вот он...

Заметим, что сам оратор-революционер косвенно уподобляется рыбе, здесь также возникает мотив рыбной ловли, играющий символическое значение в романе. Интеллигенты участвуют в ловле несуществующего сома, которая была организована купцом Лютовым (его прототипом является Савва Морозов). Большевик Кутузов посвящает Клима в тонкости рыбной ловли:

— Вы, Самгин, рыбу удить любите? Вы прочитайте Аксакова «Об ужении рыбы...». Кутузов стал рассказывать о глупости и хитрости рыб с тем воодушевлением и знанием, с каким историк Козлов повествовал о нравах и обычаях жителей города.

В романе выстраивается цепь иронических намеков. Анархист Иноков ловит рыбу на Каспии и мечтает заняться ихтиологией,

эсер Дмитрий Самгин, брат Клима работает на рыбном промысле и питается одной рыбой в ссылке на Оби. Варвара говорит народнику Маракуеву об участниках его революционного кружка:

— ...о твоих учениках ты, Петр, говоришь смешно. Так дядя Хрисанф рассказывал о рыбной ловле: крупная рыба у него всегда срывалась с крючка, а домой он приносил костистую мелочь, которую нельзя есть.

Имя *Петр* в сочетании с упоминанием об учениках и рыбе вызывает очевидные евангельские ассоциации. Христос обращается к рыбакам Петру и Андрею со словами: «идите за Мною, и Я сделаю, что вы будете ловцами человеков» (Мар.1:17).

Подводя итоги, заметим, что зоологические метафоры играют важную роль в организации повествования в романе «Жизнь Клима Самгина». Так, зооинвективы предстают в качестве речевых актов, действий персонажей и оказывают непосредственное влияние на развитие сюжета. Одновременно инвективные зоометафоры характеризуют нравственный и культурный уровень героев романа (в первую очередь, это относится к Климу Самгину). Зоологические метафоры выполняют также модально-оценочную функцию, выражая пересечение и взаимодействие позиций, точек зрения автора и персонажей. Важнейшей функцией зоометафор в «Жизни Клима Самгина» является образно-символическая — использование фаунонимов для определения сложных, не поддающихся рассудочному анализу явлений. Так, символ «птица» выражает идею веры, мечты, счастья. Символ «зверь» обозначает идею амбивалентности характера русского народа. Гипероним «рыба» также используется в романе как символ народа, но при этом на первый план выступает тематически связанная с ним метафора «рыбной ловли» — революционной пропаганды⁹. Особо подчеркнем значение игровой функции зоологических метафор, которые используются автором в качестве средства пробуждения «ответного слова» читателя, вовлечения его в художественную игру, диалог и сотворчество.

⁹ В произведениях Горького данная аллюзия имеет сквозной характер: выражение «Ленин весь в словах, как рыба в чешуе», а также сцены с рыбаками на Капри из очерка о вожде революции — из этого ряда.

ЛИТЕРАТУРА

Бобылев Б.Г. Изображение и выражение в повести А.М. Горького «Детство» // Русский язык в школе. — 2016. — № 7.

Борисова Л.М., Белова Е. Авангардное в поэтике «Жизни Клим Самгина» М. Горького // Русская речь. — 2017. — № 1, 2.

Быков Д. Горький и «Жизнь Клим Самгина» // Собеседник. — № 15. — 19–26 апреля 2017.

Горький М. Революция и Культура. — Берлин, 1918.

Горький М. О чизе, который лгал и о дятле — любители истины // Собрание сочинений: в 18 т. — М., 1960. — Т. 1.

Горький М. Жизнь Клим Самгина // Указ. соч. — М., 1962–1963. — Т. 12–15.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М., 2008.

Мароши В.В. Топосы зверинца и зоосада в русской литературе второй половины XIX—начала XX вв. // Культура и текст. — 2014. — № 2 (17).

Спирidonova Л.А. «Жизнь Клим Самгина» М. Горького — книга века // Литературный календарь: книги дня. — 2011. — Т. 10. — № 1.

Спирidonova Л.А. Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика: исследования и материалы. — М., 2013.

Степанов Ю.С. «Поэтика очевидца» в автобиографической трилогии и в «Жизни Клим Самгина» М. Горького // Язык и метод. К современной философии языка. — М., 1998. — С. 416–422.

Ходасевич В.М. Таким я знала Горького // Новый мир. — 1968. — № 3.

Ходасевич В.Ф. Горький // Колеблемый треножник: Избранное. — М., 1991. — С. 353–374.

REFERENCES

Bobylev B.G. Izobrazhenie i vyrazhenie v povesti A.M. Gor'kogo "Detstvo", *Russkii yazyk v shkole*, No. 7, 2016.

Borisova L.M., Belova E. Avangardnoe v poetike "Zhizni Klima Samgina" M. Gor'kogo, *Russkaya rech'*, No. 1–2, 2017.

Gor'kii M. Revolyutsiya i Kul'tura, Berlin, 1918.

Gor'kii M. O chizhe, kotoryi lgal i o dyatle — lyubitele istiny, *Collected edition: in 18 vol.*, Moskva, 1960, Vol. 1.

Gor'kiy M. Zhizn' Klima Samgina, Pointed work, Moskva, 1962–1963, Vol. 12–15.

Lakoff Dzh., Johnson M. Metaforoy, kotorymi my zhivem, Moskva, 2008.

Maroshi V.V. Toposy zverintsa i zoosada v russkoy literature vtoroy poloviny XIX—nachala XX vv., *Kul'tura i tekst*, No. 2 (17), 2014.

Spiridonova L.A. "Zhizn' Klima Samgina" M. Gor'kogo — kniga veka, *Literaturnyi kalendar': knigi dnya*, No. 1, 2011, Vol. 10.

Spiridonova L.A. Russkaya publitsistika i periodika epokhi Pervoy mirovoy voyny: politika i poetika: issledovaniya i materialy, Moskva, 2013.

Stepanov Yu.S. «Poetika ochevidtsa» v avtobiograficheskoy trilogii i v «Zhizni Klima Samgina» M. Gor'kogo, *Yazyk i metod. K sovremennoy filosofii yazyka*, Moskva, 1998, pp. 416–422.

Khodasevich V.M. Takim ya znala Gor'kogo, *Novyy mir*, No. 3, 1968.

Khodasevich V.F. Gor'kii, *Koleblemyi trenozhnik: Izbrannoe*, Moskva, 1991, pp. 353–374.

К сведению подписчиков!

Во II полугодии 2018 года журнал «Русский язык в школе» с приложением «Русский язык в школе и дома» выйдет три раза: в июле, сентябре и ноябре.

Вы можете оформить подписку

- 1) через подписные агентства: «Роспечать» (индекс для индивидуальных подписчиков и организаций – 73334); «Почта России» (индекс для индивидуальных подписчиков и организаций – ПЗ896), «Урал-Пресс», «ПРЕССИНФОРМ», НПО «ИНФОРМ-СИСТЕМА»;
- 2) через интернет-сайты: <https://www.pochta.ru/> (выбрать раздел «Другие сервисы», далее – «Подписка онлайн»); <http://www.rospr.ru/> (выбрать раздел «Подписка на периодические печатные издания»).